

Б. А. Тураев

История древнего востока

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б11 **Б. А. Тураев**
История древнего востока: Том 1 / Б. А. Тураев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 308 с.

ISBN 978-5-458-24143-4

Книга является подробным курсом по истории Древнего Востока и охватывает материалы древних обществ Египта, Вавилонии, Ассирии, Палестины, Сирии, Малой Азии и Ирана. Книга снабжена большим количеством переводов с оригиналов различных литературных памятников и письменных документов социально-экономического характера, рисующих нам различные стороны жизни древне-восточных обществ. Предисловие акад. В.В.Струве и И.Л.Снегирева посвящено определению значения работы акад. Б.А.Тураева в развитии исторического изучения народов Древнего Востока и характеристике социально-экономической формации Древнего Востока. Книга Рассчитана на учащихся старших курсов вузов и преподавателей.

ISBN 978-5-458-24143-4

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

знание неба и его явлений является в Вавилонии и Ассирии чрезвычайно древним, мы видим уже по одному тому, что богословие всегда было неразрывно связано с астрологическими измышлениями». Поэтому и Б. Мейсснер, как и Б. А. Тураев, излагает вавилонскую религию в тесной связи с астральным мировоззрением. Оба они видят в обозначении бога звездою в вавилонской клинописи доказательство того, что уже в глубокой сумерийской древности астральный характер не был чужд представлениям о богах.

Большой ценностью труда Б. А. Тураева является богатая насыщенность конкретным материалом из различных сторон общественной жизни древне-восточных народов. Мы здесь имеем в виду в первую очередь не фактическую сторону изложения курса, а огромное количество выдержек из первоисточников. Если взять тексты первоисточников, иллюстрирующие курс, то мы получим солидную хрестоматию по истории народов Древнего Востока. Б. А. Тураев обладал энциклопедическими знаниями в своей области, что относится к владению им и древне-восточными языками. Вследствие этого, в основной своей массе, переводы источников были выполнены им самим, что естественно необычайно повышает ценность этой части труда. В большинстве случаев Б. А. Тураев, базируя свои положения на том или ином источнике, приводит из него пространные выдержки, а весьма часто приводит его с небольшими сокращениями или просто полностью. Эту часть труда нашему читателю надлежит использовать в первую очередь при изучении научного наследства Б. А. Тураева, бывшего первоклассным филологом.

Переходя к методу исторического исследования Б. А. Тураева, следует сразу отметить, что он нас ни в коем случае не может удовлетворить. Б. А. Тураев был весьма далек от марксизма, более того, никогда не выступая в своих работах прямо против принципов марксистского анализа исторических фактов, он тем не менее стоял на диаметрально противоположных позициях, которые являлись целиком идеалистическими.

Прежде всего в отношении определения места и значения древне-восточных, обществ в общем процессе исторического развития человечества он, целиком следуя за немецкими и французскими исследователями (Мейер, Масперо и др.), отделил резкой чертой историческое развитие обществ Переднего Востока (Древнего Востока в узком смысле этого термина) от древнейших периодов истории Индии и Дальнего Востока. В результате этого получилось недопустимое отделение и противопоставление исторического развития древнейших обществ Египта, Вавилонии, Ассирии, Персии и т. д. историческому развитию народов Индии и Китая. В то время как первые полноправно вошли, как предшественники античной культуры Средиземноморья, в общее построение всемирной истории, вторые оказались в стороне от нее. Между тем общества Индии и Китая и страны Переднего Востока, на этом этапе исторического развития, характерны одними и теми же социально-экономическими закономерностями и представляют единое целое — одну формацию. Не существовало каких-либо специфических отдельных путей развития обществ Индии и Китая, отличных от развития обществ Египта или Вавилонии. Это чрезвычайно ярко подтверждается и всеми последними археологическими открытиями и указывает на полную ложность наименования «Классический Восток», предложенного французским историком Г. Масперо, который закреплял это противопоставление восточных народов между собою и в исторической терминологии.

Определение социально-экономических закономерностей, характерных для древне-восточных обществ, занимает у Б. А. Тураева второстепенное место. В целом для древне-восточных обществ Б. А. Тураевым устанавливается феодальный строй, что также отражает чрезвычайную зависимость его концепции от исторических построений буржуазных ученых Запада. Им оставляются в тени факты, говорящие о чрезвычайно сильном развитии рабства и его месте в социальной структуре Египта и Вавилонии, и, естественно, в связи с этим отсутствует разбор процессов напряженной классовой борьбы между рабами и рабовладельцами, имевшей место на Древнем Востоке. История Древнего Востока получает у него свое развитие не в процессе борьбы антагонистических классов, а в результате завоеваний и смены одних царских

династий другими. Такое крупное событие в истории древне-египетского общества, как социальная революция рабов и общинников, яркую картину которой мы имеем в известном Лейденском папирусе, завершающая процесс классовой борьбы эпохи Среднего царства, остается совершенно неотмеченной и попадает в рубрику неясных «смут», как называет Б. А. Тураев периоды обострения классовой борьбы, — оставляется без должного исторического анализа.

В настоящий момент, после целого ряда исследований, посвященных пересмотру конкретного материала памятников социально-экономической истории Древнего Востока, и давшей большие результаты дискуссии об определении его социально-экономической формации, мы имеем отличное от построений Б. А. Тураева определение социально-экономического строя древне-восточных обществ. Процесс разложения первобытно-коммунистических отношений архаической формации дает нам основные антагонистические классы не феодальной формации, а первое в истории деление общества на два класса — класс рабов и рабовладельцев. Борьба двух этих классов и дает нам с момента образования древне-восточных государств вплоть до конца древне-восточной истории основное противоречие, движущее развитие древне-восточных обществ. Произведенный пересмотр фактического материала с одновременной проработкой высказываний основоположников марксизма по поводу исторического развития обществ Востока целиком опроверг существование извечного феодализма в странах Древнего Востока и троцкистскую теорию о существовании какой-то особой «азиатской» формации.

В действительности социально-экономическая структура обществ Древнего Востока определяется как ранний этап рабовладельческой формации. В отличие от античных обществ Греции и Рима, также принадлежащих к рабовладельческой формации, в обществах Древнего Востока преобладающей формой эксплуатации рабов было крупное рабовладение. Сторонники же «азиатского способа производства» извращали единство и последовательность развития общества в период докапиталистических формаций. Кроме архаической, рабовладельческой и феодальной формаций они утверждали особый, отличный от западных обществ путь социально-экономического развития восточных обществ. Троцкистская концепция «азиатского способа производства» давала неверное историческое определение классовой структуры в странах современного Востока, смазывала процессы классовой борьбы в них и тем самым являлась контр-революционной по отношению к развитию революционного национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах Востока.

Центр интересов самого Б. А. Тураева лежал не в выяснении социально-экономических основ исторического развития древне-восточных обществ, а в рассмотрении развития духовной культуры Древнего Востока и преимущественно основ его религиозной идеологии. До революции Б. А. Тураев стоял чрезвычайно близко к кругам церковных деятелей (был членом «Поместного Собора Российской церкви» и лектором «Богословского института») и по своему мировоззрению целиком примыкал к ним. Это естественно не могло не отразиться на его подходе к культуре древневосточных обществ. Он много занимался историей первохристианства, историей коптской и абиссинской церкви. В исследовании духовной культуры различных древне-восточных обществ он прежде всего останавливался на религиозной идеологии. Им тщательно отмечались все элементы развития религиозной идеологии древне-восточных обществ в сторону приближения ее к христианским религиозным верованиям: религиозный синкретизм и зарождение монотеистических идей, характер религиозных представлений, связанных с верой в загробное существование, нормы религиозной этики и т. д. Если не одни эти моменты, то во всяком случае именно они для Б. А. Тураева были основными и решающими при определении высоты культурного развития того или иного конкретного общества Древнего Востока.

Б. А. Тураев не рассматривал древне-восточные религии как уродливый нарост идеологий народов Древнего Востока, находящий себе для данного этапа исторического развития свое

закономерное материалистическое объяснение, не, вскрывал и для данного периода общественного развития реакционную сущность религии, а наоборот, считал ее прогрессивным моментом в развитии данных обществ. Этим чрезвычайно ярко иллюстрируются слова В. И. Ленина о том, что всякий идеализм есть путь, дорога к поповщине. Б. А. Тураевым этот путь был пройден целиком. Указанная установка Б. А. Тураева пронизывает все построение его труда и это надо постоянно иметь в виду, равно как то, что его интерпретация исторического развития отдельных древне-восточных народов основывается конечно на изначально приписываемых им духовных качествах.

Здесь мы переходим к вопросу о расовой теории, как она нашла свое преломление в труде Б. А. Тураева. Нельзя сказать, что он был ярким приверженцем расовой теории, но несомненно, что она нашла свое значительное отражение в его построениях. Она проявилась у него в первую очередь в двух вопросах: в вопросе классификации древне-восточных языков и трактовке их взаимоотношений между собою, и в менее четкой форме при определении роли миграций на Древнем Востоке. В вопросе классификации языков и народов Древнего Востока Б. А. Тураев придерживался точки зрения так наз. индо-европейской теории буржуазной лингвистики, по которой все наличные языки земного шара делятся на ряд языковых семей, восходящих в свою очередь к искусственно реконструктивному праязыку, а их носители, естественно, к соответствующему пранароду. Таким образом, отдельные древне-восточные языки не представляли, исходя из этой теории, отдельного исторического этапа единого процесса глоттогонии, а являлись этапом развития одного какого-либо праязыка. Таким образом, например, все семитические народы и языки исторически имели где-то в Аравии свою прародину, пранарод и праязык; более того, к ним присоединились и хамитические народы Северной Африки. Этот неизвестный культурный очаг и дал путем ряда миграционных волн распространение семитических и хамитических племен по территориям долины Двуречья, Сирии, Палестины, Египта и Северной Африки. Но новое диалектико-материалистическое учение о языке академика Н.Я. Марра дает нам резко отличную картину исторического развития языков и, следовательно, принцип их классификации, хотя бы на частном примере древне-восточных языков. Путь единого процесса языкообразования заключается не в развитии языка от праязыкового единства к множественности, а наоборот, от множественности языков к единству. Близость языков, наличие в них общих закономерностей, которые объединяют известную группу языков в систему (по старой терминологии - семью языков), являются результатом социального схождения их носителей, и каждая языковая система — семья является лишь конкретным историческим этапом — одной из стадий единого процесса языкообразования. Исходя из этого, древне-египетский язык на новых методологических основаниях определяется как занимающий исторически промежуточное положение между стадиями исторического развития языков хамитической и семитической систем.

Мы отнюдь сейчас не отрицаем исторически бывших миграций отдельных племен и народов Древнего Востока, но мы придаем им иное значение, чем это делается сторонниками индо-европейской теории, точно так же, как и фактам культурного заимствования. В буржуазной исторической науке миграциями чрезвычайно часто объясняются резкие изменения и движения вперед культуры какого-либо общества, особенно на ранних этапах его социально-экономического развития. Миграцией обычно объясняют, например, внезапный расцвет египетской культуры при перерастании доклассового общества в классовое в долине реки Нила. Б. А. Тураев отрицает факт изменения культуры древне-египетского общества в эту эпоху в результате одной внезапной миграции, но вместо этого говорит о длительном проникновении чужеземных племен в Египет и занятии ими всей территории Нильской долины, результатом чего было деление египетского государства на ряд отдельных провинций — номов. В данном конкретном случае он в несколько смягченном виде все же проводит теорию миграций, как фактор, оказавший огромное влияние на развитие египетской культуры. Это будет по существу отрицанием революционного характера перехода от архаической доклассовой формации к классовому обществу, игнорированием имевшихся налицо в доклассовом обществе в момент его разложения внутренних противоречий, разрешаемых революционным взрывом старых

общественных отношений и переходом общества к классовой структуре. При признании внешнего фактора — миграции со всеми вытекающими из этого последствиями за фактор, движущий развитие общества, в основу кладется реакционное положение о том, что не все народы по данным своего духовного развития способны к самостоятельному развитию, а потому резкое изменение в прогрессивном культурном развитии того или иного народа возможно лишь под «руководством» (читай при завоевании или порабощении со стороны соседнего народа, стоящего на более высоком уровне своего социально-экономического развития. Такое понимание миграции является для нас совершенно неприемлемым и служит на современном этапе лишь теоретическим обоснованием империалистической политики господствующих классов капиталистических стран в отношении колониальных и зависимых стран Востока. В этом виде миграционная теория является лишь разновидностью расовой теории фашизма.

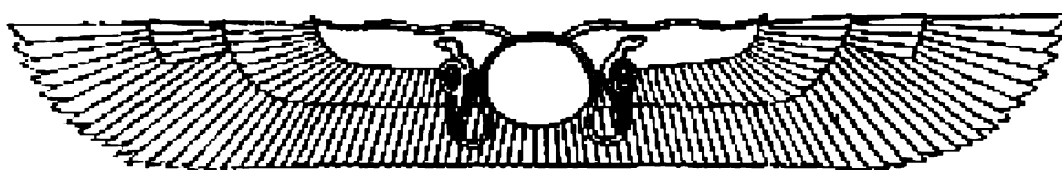
В характеристике взаимоотношений природы и общества, влияния естественно-географической среды на развитие древне-восточных обществ, Б. А. Тураев примыкает к группе исследователей, чрезвычайно переоценивающих роль географического фактора в истории (Реклю, Мечников и др.). В изданном первом томе «Классического Востока» Б. А. Тураев прямо ссылается на Мечникова и, следуя за ним, считает области великих речных долин «школами государственности», утверждая этим совершенно ложную теорию, по которой государство является не продуктом непримиримости классовых противоречий, а результатом влияния естественно-географической среды на общество.

Мы здесь смогли остановиться лишь весьма кратко на главных недостатках: труда Б. А. Тураева, не оговаривая более мелких вопросов, что потребовало бы значительно больших размеров предисловия.

В. В. Струве, И. Л. Снегирев

Ленинград, 24 июня 1935 г.

ВВЕДЕНИЕ

История Древнего Востока — первая глава истории человечества, история цивилизаций, генетически предшествовавших эллинизму и христианству. Необычайный интерес и важность изучения этого периода истории вызвали соревнование народов в отыскании и разработке богатого наследства, оставленного народами Древнего Востока, и в настоящее время энергичные археологические исследования и интенсивная работа над добытым материалом ежедневно обогащают науку новыми открытиями, в несколько десятилетий заново создавшими эту отрасль исторического знания. Еще не забыто то время, когда об этой половине, по времени, истории человечества знали только то, что сохранила нам библия и пересказали, нередко в превратном виде, греческие писатели. Вследствие этого, за отсутствием данных и недостатком научного метода в эпоху априорных логических построений всеобщей истории, ни одному отделу последней не приходилось столько терпеть от этих ненаучных операций, как нашему. Все это изменилось почти на наших глазах. Истекшее столетие заставило говорить камни, испещренные древне-восточными письменами, и открыло как на поверхности земли, так и в недрах ее, литературы и архивы культурных народов, потомки которых не сохранили исторической традиции. Изучение непосредственных свидетелей их исторической жизни

рассыпало в прах здания, выстроенные из негодного материала априорных историко-философских теорий, и положило фундамент тому, что со временем будет иметь право называться историей Древнего Востока. В настоящее время это здание воздвигается, и из года в год мы наблюдаем его быстрый рост и расширение, значительно выходящее за пределы предполагавшегося на основании априорных соображений плана. Правда, еще не наступило то время, когда мы будем иметь возможность говорить об истории Древнего Востока так же, как мы говорим теперь о других периодах истории, но и в настоящее время мы располагаем уже многими несомненными выводами, знаем хорошо многие эпохи и можем с большей или меньшей полнотой проследить по современным событиям письменным и вещественным памятникам жизнь культурного человечества больше чем за три тысячелетия до н. э. Само собою понятно, что ряд веков должен был подготовить это развитие.

Такая древняя цивилизация, которая начала собою историю человечества, конечно, оказала могущественное влияние во все стороны и на все эпохи. В настоящее время, под влиянием необыкновенных результатов новых открытий, в науке замечается течение даже слишком переоценить это влияние. Но если мы и не пойдем за крайними представителями этого направления, все же огромное влияние цивилизаций, развившихся в восточном углу средиземноморского мира, на весь примыкающий район и на все протяжении истории, до нашего времени включительно, не может подлежать сомнению. Можно даже спросить, не устарел ли в настоящее время самый термин «история Древнего Востока» так же, как и традиционные термины для других отделов истории древнего мира.

Термин «Восток», который мы прилагаем к странам, выработавшим начало всемирно-исторической цивилизации, представляет наследие римского времени и той культурной двойственности, при которой романизованному Западу противопоставлялся эллинистический Восток. Сначала для римлян «Востоком» было все за Иллирией, и это наглядно выразилось в разделении империи. Однако, неоднородность этого «Востока» сознавалась его населением и выражалась между прочим в реакциях против эллинизма. Уже диоклетиано-константиновская префектура «Oriens» обнимает только Египет и передне-азиатские провинции империи с придатком Фракии и второй Мизии; диоцез «Oriens» уже ограничивается только Сирией. Таким образом, наш термин греко-римского происхождения, но для древних классических народов он был скорее географическим, чем культурно-историческим. Для нас дело обстоит иначе. С одной стороны, наша цивилизация захватила район неизмеримо больший, чем классическая, и проникла в страны, для которых области древних цивилизаций: отнюдь не могут, быть названы восточными, с другой — и древне-восточная культура, имела свое распространение на западе и юге и, достигнув блестящего развития в Карфагене, приобщив себе Нумидию, Мавританию и (через Египет) тропическую Африку, она тем самым сделала «Древний Восток» условным культурно-историческим термином для обозначения стран древних цивилизаций, возникших к востоку от Греции и непосредственно хронологически и духовно предшествовавших греко-римской.

Археологические изыскания в областях греческой культуры, энергично ведущиеся со времен Шлимана и в наше время увенчавшиеся такими неожиданными результатами: на острове Крите, доказали, что за много веков до 1-й Олимпиады и даже до «Троянской войны» здесь процветала богатая культура, близко примыкавшая к древневосточным и находившаяся с ними в постоянном взаимодействии. Вместе с тем почти доказано, что и древнейший культурный народ Италии — этруски, оказавшие такое могущественное влияние на Рим, — восточного происхождения. Таким образом история Древнего Востока начинает превращаться в древний период истории средиземноморской культурной области. Но можно пойти еще дальше и предложить вопрос, в каком отношении к «Древнему Востоку» находятся те области, которые являются «Востоком» для нас и которые также обладают древней цивилизацией? Можем ли мы назвать этот древний период истории средиземноморской культурной области древневосточным по месту происхождения цивилизации, и если да, то в каком смысле? Имели ли Древний и Дальний Восток общий корень культуры, или: их цивилизации возникли независимо

и потекли по параллельным руслам? Наука пока не дает ответа на этот вопрос [лишь в смысле полноты освещения]. Китайская и вавилонская, даже древне-американская культуры имеют немало аналогий; посредственные сношения между ними могли существовать, но сведения об этом еще слишком несовершенны. [Чрезвычайно интересны в этом отношении последние раскопки древнейших культур Индии и Китая. На основании этих раскопок в настоящий момент уже можно твердо говорить о чрезвычайно близком социально-экономическом развитии обществ древнейшего Китая и Индии и Передней Азии. Совершенно несомненно, что общества древнейшей Индии вели довольно оживленный обмен с районами: Иранского плоскогорья и южной частью долины рек Тигра и Евфрата]. Поэтому нашему рассмотрению будут подлежать исторические судьбы народов, среди которых элементы этой цивилизации возникли [наиболее рано], т. е. египтян, древнейших, обитателей Сеннаара, затем семитов Вавилонии и Ассирии. Далее следуют народы, культура которых менее самостоятельна и находится в большей или меньшей зависимости от двух предшествующих, а именно: а) семиты Сирии, Аравии и Финикии, пересадившей семитическое население и восточную культуру на Дальний Запад; б) племена «алародийской» или «яфетической» расы, которая, занимая северные области древневосточного мира, распадалась на отдельные народности: хеттов, митанни, халдов; в) эламиты, народ не семитический и не арийский; г) негро-нубийское население мероитского царства; и, наконец, д) древнейшие представители арио-европейского элемента — [господствующий слой населения хеттского и митаннийского царств в эпохи Амарнского и Богазкеойского архивов, и] особенно мидяне и персы, которым принадлежит завершение дела объединения большей части древневосточного мира в одну правильно организованную империю. Культуры эгейская, а также этруская не войдут в нашу схему в виду их связи с создавшимися на их основе эллинской и римской цивилизациями, составляющими предмет изучения других частей исторической науки. Таким образом, географический район, подлежащий нашему историческому изучению, простирается от Кавказского хребта и Средней Азии до Персидского залива, Южной Аравии, страны африканских озер, от рубежа Ирана и Индии до Геракловых столпов.

На вопрос о хронологических пределах истории Древнего Востока давались различные ответы. Одни полагают, что она оканчивается там, где культурное первенство переходит к грекам, т. е. на времени развития эллинской цивилизации, совпавшем с эпохой после столкновения эллинского мира с объединенным восточным в лице персидской монархии и с началом того времени, когда судьбы Востока и Запада тесно сплетаются и Восток начинает наводняться греками, предвестниками эллинизма. Но рассматриваемая сама в себе, история восточных стран и после персидского завоевания обнаруживает тот же характер и те же явления, что, и до него: национальные культуры продолжают не только жить, но и развиваться, политическая жизнь не умерла и нередко возрождается. Гранью, которая оставила более заметные следы в их судьбах и начала новую эпоху в их истории, были завоевания Александра Великого и планомерное распространение эллинизма, превратившие Восток из Древнего в эллинистический. Нои этот переворот, усилив на почве древней культуры новые элементы, не уничтожил этой самой культуры: она и под господством классических народов продолжала жить и даже оказывать могущественное влияние на западный мир. Народы Древнего Востока большею частью рано приняли христианство, но и здесь они не вполне разорвали со своим прошлым, которое напоминает о себе то в суевериях, то в направлении литературы, то в характере богословского мышления, начиная с гностицизма. Мусульманское завоевание, переход множества потомков носителей древне-восточных цивилизаций в ислам, господство арабской культуры, наконец, совершенное забвение туземных языков и культурное отчуждение от западного мира обусловили то, что древне-восточные цивилизации были окончательно потеряны для историка, так как пережитки их представляют уже интерес скорее для этнолога и языковеда. Таким образом, арабское завоевание было окончательной предельной гранью Древнего Востока, но и христианизация последнего может также считаться концом его, так как новая религия не могла не внести существенных изменений в жизнь и мирозерцание народов, для которых религия была главным и основным элементом культуры. Отсюда в науке различаются Восток Древний, христианский и мусульманский; Древний с недавнего времени, по почину Масперо, весьма удачно стали называть классическим.

Представители рас, создавших древне-восточную культуру, не сохранили исторической традиции, за исключением одних евреев, которые обязаны этим сохранению своей религии. Прочие народы, менявшие большую часть несколько раз религию, не помнят своего древне-восточного прошлого, не исключая даже персов, удержавших из своего до-сасанидского времени только имя Дария. Это еще раз доказывает, что история Древнего Востока представляет единственный пример совершенно законченной исторической жизни народов, большую часть окончательно сошедших с исторической сцены. Этого мы не имеем в истории классических народов, которые продолжают жить в своих потомках, говорящих на языках, непосредственно восходящих к классическим, и в тех многочисленных наследиях их культуры, которые до сих пор господствуют. Между тем, напр., уже за тысячу лет до н. э. древние египтяне говорили на языке, который находился к языку Древнего царства в таком же отношении, как итальянский к латинскому; язык времени христианства, т. е. коптский, находится в таком же отношении уже к этому, так наз. ново-египетскому; наконец, сам коптский к XVII в. окончательно вымер, и в настоящее время только церковная служба у немногочисленных оставшихся христианами потомков древних египтян, совершаемая на коптском языке и большую часть непонятная даже для самих священников, представляет единственный остаток на берегах Нила языка великого культурного народа, языка богатой литературы, процветавшей в течение нескольких тысячелетий. От великих культур азиатского Двуречья не уцелело и этого остатка.

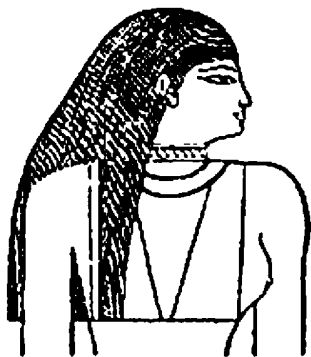
Представляя вполне законченное целое, история Древнего Востока должна иметь особенный интерес для исследователей. На ней удобнее, чем на какой-либо другой, можно проследить ход исторических процессов, действие сил и факторов, создающих исторические явления. К сожалению, в настоящее время наша молодая наука еще не в состоянии дать ответа на все запросы этого рода. Источники наши, изучение которых еще не пережило своего первого столетия, несмотря на свою подавляющую многочисленность, все еще недостаточны для периода в несколько тысячелетий, и при этом во многих случаях они дают нам только показную сторону жизни народа, скрывая обыденную, давая не столько историю, сколько ее остов. Мы должны вообще признаться, что Древний Восток еще не имеет такой истории, какая может быть написана для древних классических народов; иногда периоды в десятки, а то и сотни лет нам известны по каким-нибудь случайным упоминаниям, нередко позднейшим и спорным. Но к этой области поговорка: «*dies diem doebet*» особенно приложима, и открытия, снабжающие историка драгоценнейшим материалом, который приводит к капитальным, нередко самым неожиданным выводам, делаются часто, и все более и более раскрывают нам различные стороны жизни и культуры, суживая проблемы и освещая темные пункты в наших сведениях. Таким образом, интересоваться движением разработки древне-восточной истории, следить за ее движением — долг всякого историка; к ней не может относиться безразлично и всякий образованный человек как к первому периоду своей истории, тем более, что элементы культуры, выработанные в этом периоде, вошли в общий обиход и надолго сделались достоянием всего исторического мира. Древне-восточная математика и медицина послужили сначала для греческих философов, потом для александрийских ученых, а наконец, чрез арабов, распространились по средневековой Европе. Вавилонская система мер и весов господствовала во всем мире до введения метрической, и до недавнего времени оставляла следы в русской метрологии. То, что наши алфавиты восходят к Древнему Востоку, известно каждому. Несомненно влияние восточной (особенно египетской) государственности сначала на эллинистические монархии, а затем на Рим, Византию и т. д. В Египте — корни европейского искусства; он впервые дал тип пропорционированной человеческой фигуры и создал стиль, в котором многообразие жизни подчинено единому представлению. Библия за много веков до греков (Псевдо-Аристотеля) провозгласила идею единства человечества и создала даже хронологическую схему для этой всемирно-исторической концепции, послужившей затем исходным пунктом дальнейшего развития у византийских и других христианских хронографов и историков. Общим местом представляется всемирное значение древне-восточных религиозных представлений. Большинство ученых не отрицает их влияния на греческую религию, всем известно широкое распространение египетских и других древневосточных культов, не исключая иудейства

начиная с последних времен римской республики. Наконец, в лице христианства Древний Восток духовно покорил Запад, подчинивший его оружием.

Если, таким образом, до сих пор Европа многим пользуется из того, что выработано на Востоке несколько тысячелетий тому назад, то наше отечество находится с ним в еще более близких связях. Я уже говорил о наших [до метрических] мерах и нашем алфавите, более близком к своему первоисточнику. Кроме этого, у нас были и литературные связи. Влияние византийской культуры на нашу сблизило нас духовно с другими потомками великих древне-восточных культур, ведь и сама Византия покоится не на одной Греции и даже не на одном эллинизме. Восточная империя переварила в себе богатое культурное наследие, полученное из разных источников и от разных народов, вошедших в ее состав, и уже в таком виде передавала его дальше подчинившимся ее культуре народам. Вот почему одни и те же литературные памятники так часто оказываются и в славянском, и в коптском, эфиопском, армянском, сирийском облике, вот почему церковную живопись коптов можно принять по ошибке за старые русские иконы, а произведения песнопевцев греческой и русской церкви по манере, стилю и тону напоминают не Гомера и Пиндара, а древне-вавилонские и египетские гимны. Но и роль Древнего Востока в истории нашей культуры значительна. Наша равнина, находясь в ближайшей географической связи с иранским миром и, чрез Черное море — с Малой Азией, была в тесном культурном общении с «алародийским» или «хеттским» и иранским культурными мирами уже, вероятно, во II тысячелетии до н. э., Средняя Азия составляла часть древне-персидского царства, а Закавказье входило в состав Ванского царства, могущественного соперника ассирийской державы. До сих пор в районе Эривани находят клинообразные надписи — памятники этого царства, культура которого находилась в близком общении с ассирийско-вавилонской. На Кавказе действительно попадаются туземные произведения, выдающие несомненное ассирийское и ванское влияние; последнее можно проследить до Приднепровья. В эпоху владычества скифов (с VII в.) принесенная ими иранская культура, отложившись на алародийском слое, сообщила свой основной тон государственности, религии, быту. В эпоху эллинизма наш юг стал получать чрез Александрию произведения египетского и египтизирующего искусства. Самые центры ассирийско-вавилонской культуры — Ниневия и даже Вавилон — находились в ничтожном расстоянии от нашей границы, и тем самым напоминали нам, что интерес к изучению Древнего Востока должен быть у нас более жив, чем в Западной Европе, а изучение великого прошлого наших окраин — наш долг и пред ними и пред наукой. Нами сделано в этом отношении слишком мало не только в смысле ученых и археологических изысканий, но даже в деле простого собирания памятников и спасения их от исчезновения, между тем как Музеи Берлина и Лондона богаты не только предметами египетской и вавилонской культуры, но даже памятниками, вывезенными из Закавказья. Не относясь с должным рвением и интересом к тому, что находилось у нас дома, мы уже совершенно пренебрегали тем, что находится за пределами. Русский ученый, посвятивший себя исследованию судеб древне-восточного мира, был поставлен в условия менее благоприятные, сравнительно с теми, в каких находятся ученые в Западной Европе, где уже успели сознать важность изучения Востока не только с чисто-научной, но и с политической стороны, благодаря чему у европейского ученого образовались под руками прекрасные коллекции рукописей, надписей и вещественных памятников, постоянно пополняемые результатами новых экспедиций, щедро субсидируемых правительствами и самим обществом. Наличие почти в каждом университете восточных кафедр обуславливает приобретение для ученой работы новых сил, а близость и доступность как периодических, так и дорогих монументальных изданий облегчает знакомство с новым материалом. Отрадным предвестником более благоприятного будущего для изучения Древнего Востока у нас было приобретение весной 1909 г. в государственную собственность для Московского музея изящных искусств первоклассной коллекции В. С. Голенищева. Этим просвещенным актом сохранен был для России и будущих русских исследователей богатейший научный материал, и Москва была приравнена к центрам, обладающим крупными собраниями египетских и других древне-восточных памятников. Во время последней войны мы добились путем раскопок некоторых крупных научных успехов и на Кавказском фронте, когда русские войска стали проникать в области Ассирии и Персии и в их

руках были Бехистунская скала и течение реки Диалы. В виду этого, изучение Древнего Востока можно считать задачей, важность которой для нашей науки уже осознана. Мы, ее представители, возлагаем особенные надежды на основанную в 1919 г. в Петров граде Академию истории материальной культуры, задачи которой не ограничиваются исследованием России в археологическом отношении, но в числе разрядов коей имеются и изучающие Древний Восток в археологическом и историко-художественном отношении.

Источники занимающего нас периода истории разбросаны по множеству разных изданий, большею частью мал о доступных; изданы они далеко не всегда безупречно, весьма часто сами дошли в обезображенном и крайне поврежденном виде. При этом ученому приходится работать под постоянной мыслью, что, быть может, в это время найден или даже разрабатывается, а то уже и напечатан новый памятник, делающий его выводы в лучшем случае неполными, а в худшем — устарелыми или совсем ошибочными. Последнее обстоятельство заставляет как ученых, так и их читателей относиться крайне осторожно к общим выводам, широким обобщениям и красивым гипотезам в области древне-восточной истории. Едва ли может идти речь об общих характеристиках культур (напр., о пресловутых: неподвижности, теократизме, деспотизме и т. п.), имевших историю в несколько тысячелетий, прошедших несомненно различные стадии развития и притом принадлежащих народам самых различных рас. Если и в прошлом столетии на обособленности древне-восточных цивилизаций едва ли можно было настаивать, хотя бы уже в виду ассирийских завоеваний, то в настоящее время новые открытия ее совершенно опровергли, и мы располагаем крупными данными, позволяющими нам видеть в интересующем нас предмете не комплекс бессвязных историй отдельных стран, а действительно первый отдел всемирной истории. Даже для самых первобытных времен истории культурного человечества мы не лишены указаний на связь, существовавшую между его членами, которые до последнего времени казались нам разбросанными и предоставленными сами себе. Отсюда будет понятно то явление, что древне-восточный мир, несмотря на великое разнообразие климатов, рас и условий, представляется единым целым, столь во многих отношениях отличным от греко-римского.

ИСТОЧНИКИ

Единственным туземным источником, обнимающим весь Древний Восток на всем его хронологическом протяжении, можно назвать Библию. Правда, она представляет литературу

незначительного в политическом отношении еврейского народа, во здесь мы находим непрерывную цепь памятников, в которых так или иначе затронуты все древне-восточные страны и народности. При этом в Библии мы имеем образцы древне-восточных произведений. В большей или меньшей степени многое применимо здесь и к другим странам и, во всяком случае, дает нам некоторую возможность дополнить и оживить сведения, почерпаемые из памятников этих стран. Как исторический источник, Библия представляет высокую ценность: уже давно доказано, что те места ее, где говорится об Египте и Вавилоне, написаны людьми, хорошо осведомленными в жизни этих монархий; новые открытия все больше и больше убеждают, что эти люди были настоящими представителями господствовавшей в их - время культуры; их сведения постоянно подтверждаются и выясняются. Однако, даже специально исторические книги Ветхого Завета не могут быть названы таковыми с нашей точки зрения: это скорее назидательные писания, имевшие целью на примерах истории воспитывать народ в духе религии. Книги пророков современны событиям, кругозор их авторов, нередко и политических вождей своего народа, обнимает весь тогдашний мир; высокая поэзия их и сама по себе имеет прелесть и интерес. Наконец, Ветхий Завет сохранил нам и правовой кодекс, и сказания о древнейших временах, и памятники дидактической литературы, и произведения не только религиозной, но и светской лирики.

Для нашей цели Ветхий Завет будет рассматриваться как исторический источник. Скажем здесь только, что приписывание отдельных библейских книг определенным авторам во многих случаях надо понимать не в нашем, а в восточном смысле. Восток не знал литературной собственности; индивидуальность творчества и авторов почти в современном смысле с достаточной ясностью проявляется лишь в книгах пророков.

Скажем несколько слов об истории библейского текста. Греч. τα βιβλία есть перевод евр. *hassepharim*, «Писания», встречающегося впервые в книге пр. Даниила. Первоначально книги были написаны на пергаменте древне-семитическим шрифтом без гласных и без разделения слов. Такой текст легко подвержен искажениям и мог быть понятен только до тех пор, пока его язык оставался живым и разговорным. В последние века пред н. э. евреи утратили свой древний язык, стали говорить по-арамейски и ввели так наз. квадратный шрифт. Книги были переписаны этим шрифтом, и для большей вразумительности их орфография стала улучшаться; сначала ввели в редких случаях обозначение гласных при помощи ближайших к ним по природе согласных, потом стали разделять слова. К концу I века н. э. у евреев завершился «канон» из 22 (Иосиф Флавий, Против Апиона, 1, 2) или 24 (талмуд) книг, а во II в. было установлено чтение гласных; самые знаки для гласных букв появились не раньше VII в. в так наз. массоретском или массоретском тексте (первая сохранившаяся датированная рукопись — 916 г.): появляется сословие массоретов — хранителей и, в исключительных случаях, исправителей текста. Таким образом, текст, печатаемый в современных изданиях еврейской Библии, в своем настоящем виде — довольно позднего происхождения; различные указания убеждают нас, что он идет от единственной рукописи. Благодаря этому, приходится искать источников для текстуальной критики, независимых от массоретского текста. На первом месте здесь надо поставить самарянское пятикнижие, идущее еще с IV в. н. э. и написанное на еврейском языке особым самаританским шрифтом, также без гласных. В нем до 6 тыс. вариантов против массоретского текста. Интересно, что эти варианты сближают в 1600 случаях самарянское пятикнижие с текстом самого раннего перевода всей Библии, знаменитого греческого перевода так наз. 70 толковников, восходящего к III в. до н. э. и сделанного постепенно в Египте. Этот единственный в истории пример перевода целой литературы на совершенно чуждый язык, конечно, выполнен не с одинаковой степенью совершенства: в передаче отдельных книг Библии замечаются все возможные градации от строгой буквальности (пятикнижие) до крайней вольности (Иов), от изящества и верности до недомыслия; кроме того, некоторые книги настолько расходятся с массоретским текстом, что их перевод указывает на особую редакцию (напр., Иеремия, Притчи), а кн. Даниила даже была признана в христианской церкви переведенной неудовлнительно. Однако, в общем, это — замечательное произведение человеческого духа, имеющее для нас большую важность не только по своему значению в христианской церкви, но и в качестве